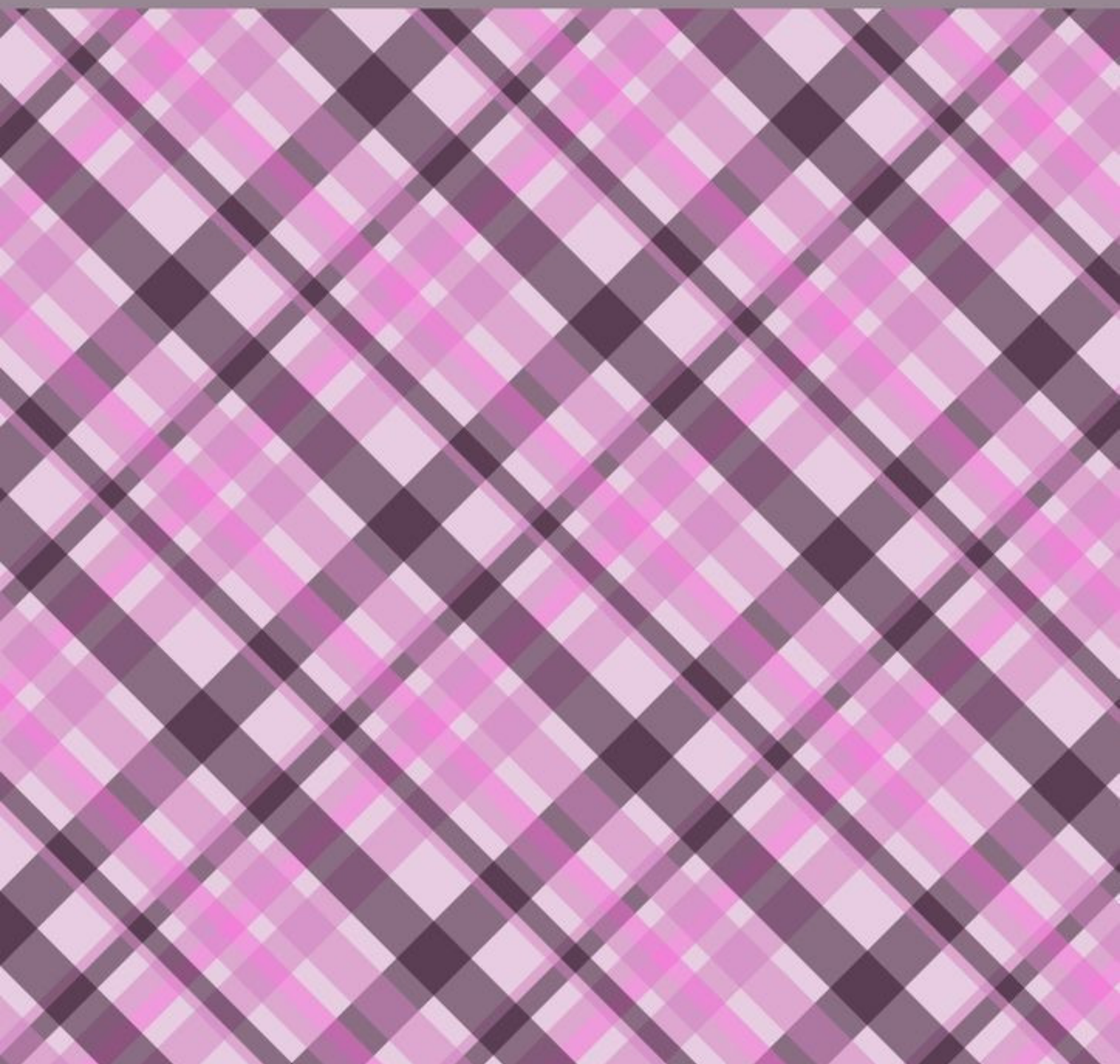

18+

Александр Лобин

Конь серый

Александр Лобин

Конь серый

«Издательские решения»

Лобин А.

Конь серый / А. Лобин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509338-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Октябрьская революция не состоялась из-за того, что в данном варианте истории императора Николая и его семью убили летом 1917 года. Через десять лет бывший эсер и террорист Савинков участвует в очередном расследовании этого преступления. Короче, все в комплекте: кровь, любовь и бриллианты.

ISBN 978-5-00-509338-7

© Лобин А.
© Издательские решения

Содержание

КОНЬ СЕРЫЙ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Конь серый

Александр Лобин

© Александр Лобин, 2019

ISBN 978-5-0050-9338-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОНЬ СЕРЫЙ

29 Мая.

Вчера вечером приехал в Петербург. На день раньше, чем планировал. Никого не стал извещать, хотел приватно решить свои лечебные дела, а заодно спокойно посмотреть на здешнюю публику.

По первому впечатлению Питер все тот же: вода и гранит, дома и проспекты, звон трамваев и крики газетчиков. Но люди стали выглядеть как-то иначе. Я не сразу понял, в чем дело, только в трамвае обратил внимание, как все *усреднились*. Мундиры носят только военные и милиция. Чиновники, студенты, гимназисты и все прочие ходят в пиджаках и косоворотках. Дамы больше не украшают себя перьями и вуалями, совсем не видно драгоценностей и мехов. Меньше ездят на извозчиках, но ловко толкаются в трамваях.

Посмотрел бы на это Каляев, вот бы порадовался. Прежняя роскошь напоказ его особенно бесила.

Но некоторые блузки на редкость воздушные, даже в Париже такого не видел.

Проходил до обеда, устал и замерз. Ветер с Невы беспощадный. Обедал для пробы в общественной столовой. Забавно придумано: платишь в кассе за целый обед, получаешь талончик и отдаешь подавальщице. Приносят сразу все на одном подносе, на нем же полагается оставлять грязную посуду. Курить нельзя и водки нет. То есть, действительно нет, по лицам видно. Взял горячего чаю. Ближе к вечеру схожу на Лиговку, там, говорят, веселее.

Вывод такой, что я, оказывается, вовсе позабыл Россию. Хотя и приезжаю из своего Вильно по крайней мере раз в три месяца. Но поездки мои согласованы по часам и хорошо, если с друзьями удастся спокойно поговорить. Когда я вообще последний раз ходил по Невскому? Именно ходил, а не мчался в авто или кузове грузовика? Уже и не вспомнить.

В гостинице «Дрезден» паровое отопление и стены обшиты лакированной фанерой. Номер совсем маленький, зато он угловой на третьем этаже и я могу видеть сразу две улицы.

30 мая.

Утром набрался духу дойти до профессора П-го. Он долго щупал мой бок, трогал шрамы, смотрел анализы и снимки – выполнил весь медицинский ритуал. Долго говорил о достижениях современной медицины, советовал ехать в Берн. Узнав, что я только что оттуда, начал нести ободрающую невнятицу. Но я был настойчив и выяснил:

а) оснований опасаться за свою жизнь у меня нет ни малейших, современная медицина это лечит,

б) есть время до осени, потом надо решать с операцией,

в) после операции я стану почти инвалидом, живущим от одного приема морфия до другого,

г) в таком виде я смогу существовать еще долго.

Вот так. В моем теле завелась зверушка, маленькая серая крыса, которая роет себе норку и так питается. Когда же она вырастет, меня нынешнего – сильного, твердого, имеющего свою цель – не станет. Независимо от того, буду я оперироваться или нет.

Пока сидел в приемной наслушался сплетен и слухов. Узнал, сколько стоит *сделать* вид на жительство, цены на разные виды спирта, чем разбавляют молоко в потребкооперации, почему Петросовет не хочет закупать новые трамваи в Германии и многие другие ценнейшие сведения.

* * * *

Вечером никуда не пошел. Погода испортилась окончательно, навалилась хандра, и я решил просто посмотреть в окно, благо вид из него превосходный. Посчитал количество про-

несшихся мимо авто, просмотрел несколько пикантных мизансцен с участием скромно одетых дамочек и развязных молодых людей, вычислил в толпе сутенеров и торговцев кокаином. Вальяжно проследовали внутрь два господина в длинных американских плащах. Если эти не из полиции, то я учитель танцев. В удачное местечко я попал!

Даже задумал было написать пьесу из уличной жизни, чтобы состояла вот из таких понятных сцен, но споткнулся на технических деталях. Как можно сделать сцену так, чтобы она для всего зала представлялась как бы из окна? Даже Мейерхольд не справится.

И тут пришел Андрей Петрович. Я думал, что это коридорный и открыл без спросу. Узнал без труда, хотя он сильно пополнел, урезал бородку, и ничего уже в нем не осталось от затравленного политкаторжанина.

– Здравствуйте, Жорж.

– Здравствуйте Андрей Петрович. А вы совсем не изменились.

Он, кажется, смешался от такого начала и забыл заготовленную речь. Поэтому мы говорили просто, как старые товарищи, как будто не прошло этих лет после убийства генерал-губернатора, войны, революции и диктатуры. Беседовать в комнате, где всего один стул и дождь стучит в окно, было решительно невозможно и мы спустились в ресторан, где в одном углу стояла пальма, а в другом какая-то девица, похожая на курсистку, наигрывала вальсы.

– Жорж, – сказал он – Комитет уполномочил меня выяснить ваши намерения.

– У меня нет никаких намерений, я прибыл по своим делам, как делал это уже много раз.

– Но раньше, вы приезжали официально и под своим именем! А в этот раз вы никого не известили!

– Я и сейчас под своим. Можете даже проверить документы. Просто приехал раньше, чем договорились с Юрием, так получилось. – Мне было лень оправдываться перед человеком, которому я уже давно ничем не обязан и который участвовал в моем последнем аресте. Но тогда зачем было идти в ресторан?

– Это меняет дело... – Осторожно сказал он и пригубил мадеры, которую я специально для него заказал. – Но все это так неожиданно, Жорж.

И он начал многословно извиняться и объясняться, говорить, что лично он мне всегда верил и верит, но вот товарищи... Я должен их понять, моя репутация не позволяет игнорировать возможность... Документы проверять, конечно, глупо и даже подло, но все-таки... Если бы это было месяц назад, или в августе, но сейчас...

Он допил мадеру, раскраснелся и вдруг осторожно глянул мне за плечо. Не глянул даже, а так, вильнул глазами без всякой необходимости. Я покосился в зеркало и сразу заметил двух молодых людей за угловым столом. Я уже видел их в окне час назад, но принял за подгулявших налетчиков. Не может быть!

А собственно говоря, почему же – не может? Он с охраной, это ясно. Вот и погулял один по городу. Кто-то заметил, узнал и сообщил. У них не было уверенности, поэтому взяли старика для опознания. Наверное, пока он отвлекает меня разговорами, кто-то уже обыскивает мою комнату. Они что, надеются найти у меня под столом полпуда самодельного динамита? И чтобы поскорей закончить этот фарс я сказал:

– Какие могут быть гарантии, кроме моего слова. Если хотите, общите меня, я даже оружия с собой не ношу. Я отошел от всего еще шесть лет назад.

Тут он опять смешался, начал мямлить, что это необязательно, какие могут быть обыски, моего слова достаточно, моя репутация...

Я терпеливо ждал, пока он выговорится. Никогда не может прямо перейти к делу. Андрей Петрович правильно понял меня и начал закругляться.

Комитет, оказывается, интересуется мое мнение о текущей ситуации. Вот было бы хорошо, если бы я сделал бы доклад о чем-нибудь международном, чтобы товарищи сами посмотрели на меня и убедились. Это было бы славно, Жорж. Это очень полезно для нашего дела, Жорж.

Вы, Жорж, должны понимать всю сложность текущего момента. И чтобы убедить меня окончательно, он начал рассказывать о работе комитета, думской фракции, кооперации сельского производителя, о рабоче-крестьянской инспекции по охране труда и прочем таком, что мне никогда не было интересно.

Я согласился выступить, и он ушел счастливым. Доклад, так доклад, мало ли я их уже сделал, сделаю еще один, посмотрю на бывших товарищей эсеров. А бывшие товарищи убедятся, что я не затаил на них зла, не собираюсь мстить за свой арест и восьмимесячное заключение. Пусть их. Это даже полезно, я ведь хотел посмотреть на жизнь в новой свободной России. Вот и посмотрю на всех в куче.

Когда поднялся в номер, обратил внимание на резкий запах мужского одеколona, каким никогда не пользовался. Мне кажется, или подушка была ближе к краю?

Я вызвал звонком коридорного и попросил водки. Он был старой школы и догадался принести еще пирога на закуску и чай.

2 июня.

Предыдущие два дня выдались такие, что записывать было некогда, да и нечего. Навестил знакомых, провел переговоры с издателями. Они намерены выпустить все. Особенно интересуют мои львовские приключения и тюремные дневники. Пьесы тоже готовы взять, но их еще активно играют, так что это я считаю преждевременным. Может быть потом, в последнем томе. Дневники необходимо расшифровывать и сверять, а это большая работа. Издатель понял меня правильно и тут же предложил хороший аванс.

Еще мне хотелось как-нибудь убрать из сборников первую повесть. Она мала и ничего не дает в смысле объема, ее давно все знают, поэтому какой смысл? После известных событий моя охота на генерал-губернатора выглядит наивно, как поиски клада Томом Сойером. К тому же там слишком часто встречается буква Я, а я твердо решил, что с ницшеанством покончено. Ницше изжил себя, как шляпки с вуалью и цветы в петлицах.

Но в этом вопросе они были тверды, как скала. Первое произведение, мировое признание, классика, сейчас так уже не пишут, читатель нас не поймет. Ну и черт с вами, печатайте. Видно судьба моя такая, въехать в историю литературы верхом на этой лошади.

Чтобы решить этот вопрос потребовался целый вечер. Вот, в сущности, и все за три дня. Ну, кроме вечера у Ан-х и встречи с Ел., но о ней писать не буду.

Ночью проснулся от боли в боку. Крыса моя что-то разгулялась. Долго лежал, глядя на светлую пустоту в окне. Заснул под утро, хотя какое к чертям утро, когда белые ночи?

3 июня.

Утром опять гулял по городу, смотрел. Очередей нет, мосты разводят, электричество не отключают. Неужели все? Хотелось бы надеяться. Вспомнился разговор в поезде с одним торговцем. Он долго жаловался на профсоюзы, а в конце сказал:

– Теперь народ ученый и пуганый, немного нынче дураков найдешь на демонстрации ходить.

Это он, предположим, соврал, но прежней безоглядной веры в свободу теперь нет даже у гимназистов.

Пообедал в трактире, умилился, встретив историческую редкость – полового в красной рубахе.

Слежки не заметил.

Вечером встречался с Мережковским и Гиппиус. Они не изменились нисколько, обрадовались и взяли с собой на ген. репетицию к Мейерхольду. Народу очень много, особенно современных девиц в коротких платьях. Дмитрий и Зинаида сразу ушли за кулисы, а мне было интереснее в зале. В середине первого акта подсел Шкловский и в телеграфном стиле выдал все сплетни и новости.

Про Маяковского и Бриков мне было неинтересно, а про Мейерхольда новости такие, что он отходит от своей «биомеханики». Точнее дополняет ее «сценомеханикой» – это создающие световые эффекты разноцветные фонари и «активные» декорации. В предыдущей пьесе он вытащил на сцену настоящий мотоцикл, который сразу сломался. Только поэтому зрители могли слышать актеров и не угорели насмерть от бензиновой гари. Но режиссер не унывает, намерен сделать движущуюся модель броневика, который будет стрелять из пулемета в зал холостыми патронами.

Выходит, что новую пьесу я ему не отдам. Мне не надо бури эмоций в зале, я хочу трагедии на сцене. Хочу как в алхимическом тигле сплавить токи и субстанции эпохи. Я их видел уже и не раз. Но тогда я сам был в том тигле и ничего не понял. А световые столбы и стреляющий броневик – это дешевые эффекты для синематографа.

Ушел пораньше, не дожидаясь, пока актеры откланяются. Совершенно нет сил и охоты встречаться с людьми искусства.

Наблюдение: на улицах больше машин, в некоторых за рулем сидят дамы.

6 июня

Совершенно не представляю, куда делись еще три дня. Закрутила столичная суета, пришлось ходить куда-то и с кем-то разговаривать. Шкл. затащил на заседание формалистов, где он читал доклад о приемах и логике форм. Люблю Виктора как человека, ценю как журналиста и писателя, уважаю как товарища по борьбе – но слушать все это всерьез не могу. Неужели он не понимает, как вынимает душу из искусства подобной анатомией? Но я этого не стал говорить, а задавал вопросы и кивал с умным видом.

Наблюдение: на улицах прибавилось публики. Хотя до предстоящих торжеств больше месяца, уже наехала масса народу, все больше почему-то из бывших западных губерний. Цены на гостиницы взлетели, как в революцию. Официально мы отмечаем пятилетие Думы, но на самом деле главным событием станет десятилетие Известных Событий и Диктатуры.

Решено! Я останусь, и буду смотреть этот спектакль до конца!

Из городских впечатлений. Пить стали меньше, по крайней мере, на людях. Кому совсем невмоготу, берут домой и напиваются в одиночку.

7 июня.

Вместо доклада комитету вышла лекция на публике. Нехорошие подозрения возникли еще когда узнал адрес – дом Политкаторжанина (б. «дача Дурново»). Так и есть – знакомый зал заседаний, кресла, люстры, стол президиума. За столом Андрей Петрович, Спиридонова и Натансон. Приветственная речь Натансона о моих заслугах перед партией и революцией. Спиридонова рассматривает лепнину на потолке, а я публику.

Надо так понимать, что это и есть нынешние цвет и сливки леворадикальной молодежи? Кожаные тужурки, отсутствие галстуков и головных уборов у мужской части, такие же тужурки, короткие юбки и ярко окрашенные губы – у женской. И те, и другие курят. Народ, вроде, отчаянный, смотрят по-разному. Большинство с обычным любопытством, но есть и враждебные лица.

Шутки шутками, а Керенского в Липецке вот так и пристрелили. Две пули из нагана и нет больше рыцаря революции. А убийца как-то сумел затеряться в толпе, только револьвер на полу оставил.

Начинаю выступать. На самом деле такие «доклады» может читать любой студент, если способен указать на карте новые границы и помнит очередной набор политических имен. Итак, приступим: Стокгольмская конференция, Временное Перемирие, позиции Франции, России, Германии и «польский вопрос». Публика терпеливо выслушивает общеизвестное. За это на сладкое я освещаю им настроения в непризнанном Польском правительстве, благо у меня в Сейме три гимназических приятеля. Потом о состоянии дел в эмиграционных кругах. Андрей Петрович смотрит укоризненно, Спиридонова ерзает. Будут потом укорять: «зачем же

было при всех, как вы могли с вашим опытом...» Так и надо было слушать в узком кругу. Теперь еще немного о культурной жизни послевоенной Европы, «женский вопрос» и все. Записки уже наготове.

Первая: «Повлияло ли на ход истории Известное Событие и как?»

– Ну, прежде всего, раз уж тут все свои, предлагаю отбросить ложную стыдливость и называть вещи своими именами – не Известное Событие, а убийство императорской семьи!

В зале нервный шепоток. А вы как хотели? Конечно, повлияло: семичасовая безостановочная речь Керенского (приводили в чувство подкожными впрыскиваниями), отставка Временного правительства и корниловский «Союз спасения Родины и Свободы». Плюс беспорядки в Москве и губерниях, перемирие на фронтах, а потом еще Польская осень и еврейские погромы. Все это в любом учебнике написано, поэтому повторяться не будем, а лучше удаться в личные воспоминания, благо мне есть, что вспомнить.

Вторая записка: «Есть ли возможность в ближайшее время заключить Мир?»

– Такой возможности, я полагаю, нет. И дело не только в Польше. Есть и другие причины. Вопрос с проливами пока не решен, например. Поэтому каждый, кто пообещает вам скоро решить вопрос с Миром – демагог и политический авантюрист!

– А что по этому поводу думает Ленин? Вы его видели? – Этот уже с места вопрос. Барышня, причем хорошенькая. Одета строго. Неужели большевичка?

– Видел зимой, поэтому не знаю. Что он *сейчас* думает, вы у него лучше сами спросите – он приедет на торжества лично.

– Но как? Ведь...

– Ему даны гарантии неприкосновенности, американское правительство выступило поручителем.

Барышня растерялась, ляпнула невпопад:

– Американцам до Ленина какое дело?!

– Американцам – говорю – до всего есть дело!

Засмеялась даже Спиридонова.

Все, вечер удался. Новость о приезде Ленина они узнали бы максимум через неделю из газет, но то газеты! А это новость из первых рук!

Потом был торопливый и сумбурный обед в узком кругу. Мне запомнился гражданин из тех меценатов, что содержат сейчас мою бывшую партию. Их было несколько, они сидели в первом ряду и слушали. Этот самый солидный и современный. У него нет никаких цепочек, тросточек и прочих атрибутов разбогатевшего спекулянта. Строгий костюм, стоящий дорожке хорьковой шубы, наручные часы и золотой «Паркер». Мне ровесник, фамилия незнакома, значит, сделал состояние на военных поставках.

Он для приличия поинтересовался моими литературными делами, а потом начал жаловаться на рабочую инспекцию, на комиссию по ценам и профсоюзный комитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.